

**Александр
ТИХОНОВ**
Легенда мирового биатлона

Олимпийская слава России

Александр Иванович Тихонов
Александр Тихонов.
Легенда мирового биатлона

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16899142
Александр Тихонов. Легенда мирового биатлона: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-9533-6685-4, 978-5-4444-8090-8*

Аннотация

Книга рассказывает о спортивной карьере и жизни Александра Тихонова, лучшего биатлониста XX века, четырёхкратного олимпийского чемпиона и одиннадцатикратного чемпиона мира. Судьба его блистательна и драматична. Спортсмен с достоинством преодолевает все препятствия, которые становятся трамплинами для новых взлётов.

Книга адресована молодым спортсменам, болельщикам, всем, кто интересуется прошлым и настоящим отечественного спорта.

Содержание

Вместо предисловия	8
Глава 1	31
Глава 2	64
8-й чемпионат мира по биатлону ГДР, Альтенберг, 1967	65
X зимние Олимпийские игры Франция, Гренобль, 1968	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Тихонов

Александр Тихонов.

Легенда мирового биатлона

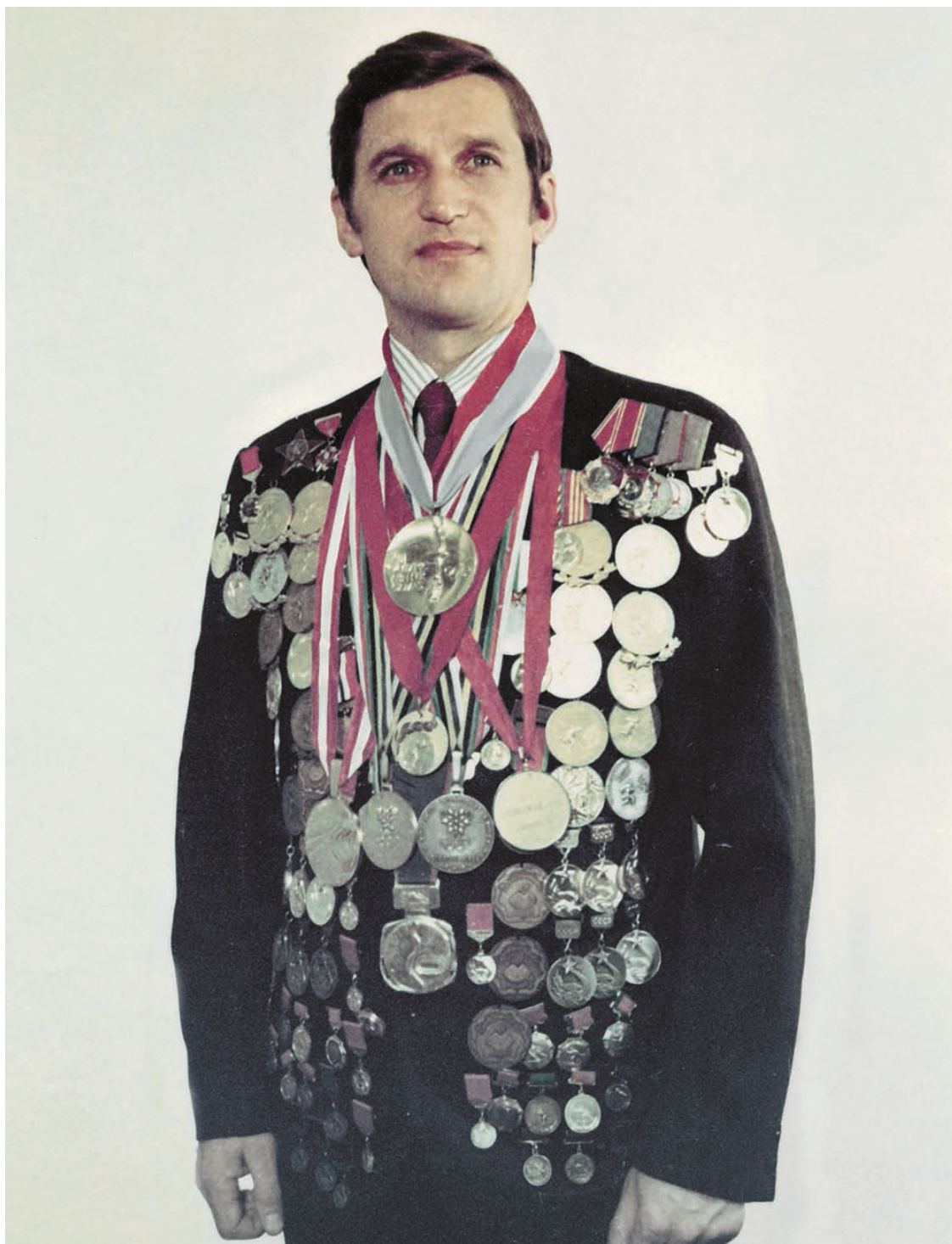
© Тихонов А.И., текст, 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

Вместо предисловия

«...Значит, как на себя самого положишься на него»

– Хотелось бы перечислить всех моих друзей, но на это не хватит всех страниц книги. Я вас всех люблю, уважаю, не забываю тех, кто уже ушёл из жизни, и тех, кто жив-здоров, слава богу. Мы частенько встречаемся в разных концах страны.

Сейчас я скажу о самых важных для меня людях. Особенно о тех, с кем связано начало спортивной карьеры. Безусловно, отец. Он был для меня и отцом, и другом, который меня понимал, так как сам беззаветно любил спорт. В послевоенное время выполнял на перекладине и брусках такие комбинации, которые его ученики не могли иногда повторить. То, что не удалось в спорте претворить в жизнь отцу, прервала война, то удалось его сыну. До конца его дней у нас с отцом были прекрасные отношения. Мать тоже занималась в детстве лыжами, довольно прилично каталась. Из четверых сыновей мне довелось унаследовать самое лучшее в том, что касается вопросов спорта.

Я всегда ценю в первую очередь не заслуги, не награды, а человеческие качества.

Первым моим серьёзным тренером в «Трудовых резервах» был Олег Николаевич Горохов. Прекраснейший человек, душа, всегда с улыбкой. Он практически никогда никого не наказывал, старался решить мирным путём любые вопросы. Он был нам больше другом, нежели просто нашим старшим тренером. Он только закончил службу в армии, и ему предложили роль тренера в Челябинской области, в «Трудовых резервах».

В более взрослой жизни – Валентин Михайлович Романов, который пригласил меня в город Новосибирск как преподавателя кафедры лыжного спорта. Я ему за это благодарен, мы и по сей день поддерживаем отношения. Сложный человек по характеру, но преданный своему делу. Когда лыжную подготовку сдавали боксёры, борцы, пловцы, просто так получить «тройку» было невозможно. Весь техникум приходил смотреть, как они финишируют, все извалявшиеся в снегу. Но все доходили! Он никогда не ставил незаслуженную «тройку», тем более «четвёрку» или «пятёрку».

Началась спортивная карьера, я перешёл в общество «Динамо» – и самые лестные слова ушедшему из жизни в сорок пять лет Евгению Дмитриевичу Глинскому. У него была своя команда лыжников, слаженная, они уже зарекомендовали себя, а я пришёл новенький и спросил его: «Евгений Дмитриевич, можно я буду звать вас Батей?»

Меня приревновали, чуть не до драки дело доходило, но начался сезон, я стал всех обыгрывать, и все успокоились. Я его так Батей и звал, и потом многие другие подключились. С приятной внешностью, с хорошим юмором, трудоспособный до безобразия. Человек, который всегда находил компромиссные решения. Может быть, раз или два я его видел расстроенным, тогда, когда не получалось со спортивными результатами. Мы сидели вместе с ним и – чего греха таить – выпивали по рюмке водки, закусывали и говорили, что жизнь на этом не закончилась, будут другие старты и будут другие победы, и также будут поражения, от которых никто не застрахован. Жили мы с ним душа в душу.

Евгений Глинский

Я сновидящий, я предвидел катастрофу. В момент аварии, когда они с Сашей Петровым попали под трактор «Кировец», я стоял под мостом на светофоре.

Я видел, что наверху какая-то суeta, подгоняют кран. Приезжаю на дачу. Должен был остаться. Развернулся и гнал обратно как сумасшедший, не зная ничего. Тогда мобильных

телефонов не было. Приезжаю во Дворец спорта «Динамо», мне говорят: «Глинский погиб». Я, ни слова не говоря, разворачиваюсь – и в морг. Меня не пускают, я разбросал всех этих сторожей, захожу – и увидел: в конце, на кушетке, лежит, в динамовских брюках...

Машину перевернуло, а «Кировец» проехался по водительскому месту. Саша остался жив, а Евгения Дмитриевича просто раздавило этим огромнейшим трактором.

Для меня это было шоком. Я подошёл, положил руки на его руки. Они холодные. Это была катастрофа для всего динамовского коллектива, для советского спорта.

Очень хотел бы вспомнить Валентина Пшеницына. Это одна плеяда. Он был заслуженным мастером спорта, чемпионом мира, тренером ЦСКА. Невероятной души человек.

Владимир Мельников. Он постарше меня на два года, с ним мы задерживали преступника. Владимир Николаевич, Володя. Его просто звали Мельник. Человек необыкновенного юмора, необыкновенной собранности, сумасшедше сильный физически. Охотник, строитель. Всё, что он увидел, он обязательно сделает, даже чему никогда не обучался. Мы по сей день перезваниваемся, хотя встречаемся редко.

Александр Васильевич Привалов. Его можно отнести и к тренерам, и к друзьям.

Виталий Фатьянов, ушедший из жизни. Я его перетащил с Сахалина в Новосибирск, сделал его старшим тренером. Все его звали Фатя. Не каждому тренеру на доме, в котором он проживал, делают памятную доску. Виталий подготовил немало спортсменов, мы вместе работали с экспериментальной командой. Потрясающий человек. Самые лучшие слова в его память...

Что касается спортивного руководства в СССР... Сергей Павлович Павлов. В 68-м году он пришёл председателем Спорткомитета СССР с поста первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Это был приятной внешности человек с живой, открытой улыбкой, грамотный. Помнил всех пофамильно, кто каким видом спорта занимается. В те времена нам на руководителей везло. У меня с ним очень хорошие отношения, вплоть до восьмидесятого года я выступал под его руководством, нёс флаг на Олимпийских играх в Америке. А потом Сергей Павлович сказал, что возьмёт меня гостренером, но приглашения не последовало. Как оказалось, один большой специалист по стрельбищам собрал коллектив тренеров, они поддались его влиянию, пошли к Павлову, и я приглашения не получил.

Спустя много лет, уже после развала Советского Союза, я решил отыскать Сергея Павловича. Кое-как нашёл его адрес. Когда я приехал, супруга его открыла дверь, худая, постаревшая, узнала меня: «Сашенька, как ты нас отыскал?» Вышел Сергей Павлович, худой. У него была онкология. Обнялись, сели на кухне за чаем. Он говорит: «Саша, я перед тобой виноват до конца дней. Пришли твои биатлонисты, человек пять-шесть, столько гадостей о тебе наговорили, что вызывать тебя в Москву я тогда не решился. Они убедили меня, и я был неправ». Я говорю: «Сергей Павлович, как вы сейчас живёте?» Он говорит: мол, бросили все, ни звонков, ни встреч, никому нет дела. Денег нет даже на лекарства. Пенсия была тогда мизерная. Население тогда, в развал, осталось без сбережений, без вкладов. И я копил детям, и всё это пропало. Трудно осуждать людей в то время. Хотя, какие бы времена ни были, тех, кто вас ставил на ноги, забывать нельзя.

У меня с собой тогда были серьёзные деньги в долларах, я достал. Потом я ему ещё передавал. А потом, будучи за рубежом, я узнал, что Сергей Павлович ушёл из жизни.

По окончании спортивной карьеры я познакомился с Виталием Георгиевичем Смирновым. Это отдельная дружба. Его все звали Барин. Лучше Виталия Георгиевича никто никогда не одевался. Всегда модно одет, причёсан, всегда приятный парфюм. Я его считаю самым грамотным человеком в мировом спорте. Он помнит все рекорды, результаты – в лёгкой атлетике, в тяжёлой атлетике, в гимнастике, в биатлоне – где угодно. Это прекрасно поставленная речь. На выступлениях он никогда не читал по бумаге. Когда Самаранч уходил со своего поста, он уговаривал Ельцина выдвинуть кандидатуру Смирнова на пост президента Международного олимпийского комитета. Я не сомневаюсь, что Смирнов бы прошёл на ура. Но у нас нашёлся приближённый к Ельцину теннисист, который категорически отверг эту кандидатуру. Мы сами себе гадим, не кто-нибудь, а россияне россиянам. Если бы Виталий Георгиевич три-четыре срока руководил бы большим спортом в мире, тем более в те провальные времена грабежей, коррупции, то для России это был бы огромный плюс. Люди думают о личностных интересах, о мелких, меркантильных делах, упуская самое главное: честь и славу своей страны.

Со вторым Президентом Олимпийского комитета России Леонидом Тягачёвым и первым президентом Олимпийского комитета России Виталием Смирновым. 2007 г. Фото В. Чиннова

Четырёхкратный олимпийский чемпион пловец Александр Попов, серебряный и бронзовый призёр Олимпийских игр прыгун в воду Владимир Алейник, заслуженный тренер СССР по хоккею Виктор Тихонов, двукратный олимпийский чемпион Виктор Маматов, трёхкратный олимпийский чемпион Александр Карелин (сидит), четырёхкратный олимпийский чемпион Александр Тихонов, двукратный олимпийский чемпион хоккеист Вячеслав Старшинов (за Тихоновым), олимпийский чемпион Владимир Гундарцев, двукратный олимпийский чемпион лыжник Вячеслав Веденин, олимпийская чемпионка в конькобежном спорте Наталья Петрусёва, двукратный олимпийский чемпион Анатолий Алябьев, олимпийский чемпион по вольной борьбе Загалав Абдулбеков. Во втором ряду: трёхкратный олимпийский чемпион хоккеист Владислав Третьяк, двукратный олимпийский чемпион хоккеист Александр Якушев, олимпийский чемпион по прыжкам в воду Владимир Васин, олимпийский чемпион Владимир Барнашов

С Виталием Георгиевичем мы стали большими друзьями в жизни. Он говорил: «Я для тебя Виталий». Виталий Георгиевич Смирнов приезжал ко мне в Инсбрук, интересовался, как я живу. Потом я поехал провожать его в Мюнхен, и мы сидели в том зале для совещаний, где решался вопрос о закрытии Олимпиады в 1972 году, когда делегацию Израиля террористы расстреляли у фонтана и где Виталий Георгиевич сказал свое веское слово. Уже должны были проголосовать за закрытие Олимпиады. Именно Смирнов сказал: «Неужели террористы победят нас?» И Олимпиада продолжилась.

Александр Яковлевич Гомельский. С ним мы не раз сидели за хорошими столами. Даже у меня в офисе. Внизу был ресторанчик. Александр Яковлевич жил недалеко и бегал мимо моего офиса. Я его останавливал, и мы вместо пробежки спускались в ресторан, кушали блины с икрой. Гомельский мне сказал: «Шура, я для тебя Саша. Если ещё раз назовёшь меня по отчеству, я с тобой разговаривать не буду». Для меня это было наградой, подарком. Такие личности – и Смирнов, и Гомельский!

К Гомельскому заходил на тренировку – они готовились к Мексике. В зале жара. Я попросился. «А для чего тебе это надо? Ты будешь смотреть на баскетболистов. Ты биатлонист!» Я говорю: «Во-первых, баскетбол и биатлон на “Б”, второе – хочу увидеть лица ребят». Тогда был Александр Белов, Сергей Белов, Ваня Едешко, Алжан Жармухамедов... Это была серьёзнейшая команда.

Я хорошо знал Аркадия Ивановича Чернышёва, Анатолия Владимировича Тарасова. Это гиганты. Присутствовал в Сухуми, в Ишерах, на тренировке Виктора Алексеева – питерского гения лёгкой атлетики, который тренировал в то время Фаину Мельник в метании диска, показывал ей и рассказывал, как это делается.

Соревнования «Ижевская винтовка». Александр Тихонов, главный конструктор производственного объединения «Ижмаш» Иван Семеновых, руководитель биатлонной научной группы Владимир Громыко, главный тренер сборной СССР по биатлону Александр Привалов, 1980 г.

Славский Владимир Фёдорович – прыжки с трамплина и лыжное двоеборье.

Адлан Вараев – тренер по вольной борьбе.

Леонид Аркаев – гимнастика.

Дмитрий Миндиашвили – тренер Ивана Ярыгина и Виктора Алексеева. Иван Ярыгин позже возглавлял Федерацию вольной борьбы.

Михаил Мамаишвили, олимпийский чемпион. Не часто у нас олимпийские чемпионы становятся президентами федераций.

Трудно вспомнить всех тренеров. Я вас всех уважаю, люблю.

Биатлон – это в первую очередь Ижевск. Михаил Тимофеевич Калашников. Он меня увидел на оружейном ящике, под халатами, когда готовил свою ложу, делал себе винтовку к сезону. Иван Ефимович Семеновых, главный конструктор. Юра Александров. Георгий Гилёв.

Владимир Иерусалимский, Ким Егорович Пятало – тренеры по лыжным гонкам в нашей сборной команде.

Леонид Тягачёв. Мы знакомы очень давно, наша дружба исчисляется десятилетиями. Он старше меня на октябрь, ноябрь, декабрь. Мы с ним ни разу не поскандалили, ни разу между нами не пробежала чёрная кошка. В стране, которая не имела ни одного горнолыжного подъёмника, без горнолыжных трасс, он смог воспитать призёров и победителей этапов Кубка мира, призёров Олимпийских игр. Ему было присвоено звание лучшего тренера года в мире. Лёня сменил Виталия Георгиевича Смирнова на посту президента Олимпийского комитета России, довольно успешно руководил. Построен комплекс имени Леонида Тягачёва, где катаются детвора. Я очень дружен с этой семьёй. Когда у меня случились самые сложные годы, то в приёмной президента Олимпийского комитета висела наша с ним фотография. Его частенько спрашивали, не надо ли убрать. Лёня выдержал этот натиск и помогал мне все эти сложные годы.

Со спортивным комментатором Дмитрием Губерниевым

Вспоминаю Виктора Хоточкина, Леонида Мирошниченко – прекрасные специалисты Олимпийского комитета. Сегодня на ответственные посты назначают либо хорошего парня, либо хорошую женщину, либо друга, но руководить в той или иной отрасли без специального образования – страшная ошибка. Экономика страны приходит к великому развалу.

На Олимпиаде – 80 за всю связь отвечал Виктор Абрамович Полищук. Мы дружим не один десяток лет. И с ним, и с его женой Натальей, и с сыном Павлом.

На встрече олимпийских чемпионов с трёхкратной олимпийской чемпионкой по фигурному катанию Ириной Родниной и девятикратной олимпийской чемпионкой по спортивной гимнастике Ларисой Латыниной. Фото А. Бочинина

В добрых отношениях был я с Николаем Николаевичем Озеровым. Есть запись видеохроники. Когда он был уже в инвалидной коляске, его спрашивали: вы столько знаете спортсменов, скажите, кого вы больше всего уважаете, любите? Он назвал: Сашу Тихонова. Меня пробила слеза. Потому что оценка такого человека дорогого стоит. Сам великий теннисист, спортсмен и комментатор...

В наши дни – не хочу никого обидеть – я считаю комментатором номер один Дмитрия Губерниева. Прекрасная память, ведёт любой вид спорта, помнит, знает, со своеобразным юмором и смелостью. Иногда делает актуальные заявления, как тогда: «Пихлер – чемодан – вокзал – Рупольдинг». Не каждый возьмёт на себя такую ответственность. А он выразил мнение народа. Мы три года подряд не имеем золотых медалей, это вопрос серьёзный и сложный.

Виктор Гусев тоже прекрасный комментатор.

А из старой плеяды мы близко дружили с Георгием Сурковым. Анна Дмитриева вела спортивные программы. Мы часто встречались на разных передачах, у нас была какая-то дружба невероятная, мы знали все друг друга. На биатлон ко мне в Свердловске приходит целая группа фигуристов – Саша Горшков с Милой, Зайцев с Родниной, пришли болеть. Я вечером еду в Ледовый дворец – болею за них. Вот этого сегодня не наблюдается. Это большая беда нашего руководства.

Виктора Аверина я ассоциирую со словом «великодушие», а Сергея Михайлова со словом «благородство». Два друга, два больших человека, способных зарабатывать и бескорыстно помогать. И в радости и в трудные минуты они всегда рядом. Президент В. В. Путин отметил деятельность Виктора Аверина почетной грамотой за серьёзный вклад в успех глухонемых российских борцов, удостоившихся высших наград на параолимпийских играх.

Когда Сергей Михайлов напоминает мне, что я лучший спортсмен XX столетия, то я говорю ему в ответ, что он единственный русский разбомбивший швейцарское «правосудие» на их «поле» и получивший компенсацию деньгами.

Мой друг Анатолий Петрович Быков выжил в самые сложные смутные годы перестрелок. Его пытались осудить, но он выиграл все суды сам, без помощи адвокатов. Настоящий мужик!

Вот такие это ребята! Настоящие! Я могу гордиться такими друзьями!

Друзья проверяются в настоящем мужском деле. Я таким делом считаю охоту. Как сказал Иван Сергеевич Тургенев, если он охотник, значит, приличный человек.

Охотиться начал в детстве, в начальной школе добыл первую утку. Когда приехал в Новосибирск, приобрёл браунинг 16-го калибра, потом одно-два ружьишка. В 68-м году мне подарили ижевский карабин. Охотился на утку, на крупного зверя – лося, оленя, косулю. Потом пристрастился к медвежьей охоте. Много охотился на Алтае, на Сахалине, Камчатке, в Саянах, на Кавказе. Везде есть свои прелести. Два региона более других поражают своей красотой и обилием зверя – Камчатка и Горный Алтай, их сравнить не с чем. У меня есть особое везение в жизни: в любой регион, куда бы я ни прилетал, я прилетаю к друзьям. Саша Кмитта и Саша Майдунов с Сахалина, ушедший из жизни Витя Круглов, который был в лыжной команде Советского Союза.

Много раз был на утиной охоте. Озеро Чаны в Новосибирской области – настоящее птичье царство.

Я считаю, что медведь один из самых серьёзных зверей, и это одна из самых опасных охот. На тигра меня приглашали много раз, но убить тигра – это неправильно. Охо-

тился на берлоге. Испытал дикий страх, когда подраненный медведь пришёл под мой лабаз. А лабаз такой, что, если бы медведь был послабее ранен, я бы уже тут не сидел.

Многие охотники гибнут потому, что быстро расстреливают все патроны, и когда зверь идёт в атаку на тебя, то – щёлк! – а патронов больше не осталось. Мне удавалось стрелять.

Полярного волка я стрелял дважды. Этого зверя называют «цезарь». Он более приземистый, чёрная полоса по всему хребту, начиная от головы. Потрясающей красоты зверь. Среди настоящих охотников это один из самых уважаемых зверей. Умница, как только его ни уничтожают, он всё равно выживает. Однажды я стрелял волка, подошёл к нему на широких охотничьих лыжах, постоял – вроде бы лежит волк. Я карабин под правую мышку, перевёл курок на дробь 16 калибр, руку протянул – он так: вав! И у меня на руке! Клык прошёл практически насквозь. Я поймал его за нижнюю челюсть, выстрелил в основание шеи. Карабин бросил, достал нож, разжал челюсть. Кровь как можно лучше высосал. У меня всегда с собой было мумиё, бинты, я всё замотал, слава богу, обошлось.

Когда охотники говорят: у тебя железные нервы – ерунда! Когда под мой лабаз пришёл раненый медведь, я сам не помню, а ребята говорят: я орал так, как ни один певец не орал. Тем более такой лабаз, что медведь бы лапой двинул – и я бы свалился прямо на него. Но, слава богу, последним патроном я попал в него. Зверь ослаб и затих. Перед этим он ударился в сосёнку, это его ослабило, и потом прямо подо мной возится, рычит, ворчит, но, видно, раны были хорошие... Я перед этим дважды в него попал, в поле стрелял, было далеко, тем более без ночного прицела. Страху я натерпелся! Жить хочется.

«Я считаю, что медведь – один из самых серьёзных зверей»

На оружейной выставке в Нюрнберге с Дитером Аниютцем (в центре) и Освальдом Принцем (слева), владельцем компании «Принц» возле стенда компании

«60 лет. Пора взрослеть». С заслуженным тренером по лыжным гонкам, руководителем Центра спортивной подготовки Министерства спорта Александром Кравцовым на его юбилее

«Великие Владимир Петров, Александр Тихонов, Александр Якушев и настоящий друг, меценат спорта и искусства Сергей Козубенко»

«Учитесь порядочности у Загалава», – говорит Тихонов. С чемпионом Олимпийских игр, борцом-вольником Загалавом Абдулбековым в его кабинете в Махачкале, 2007 г.

Олимпийский чемпион, трехкратный чемпион мира по греко-римской борьбе Михаил Мамиашвили, 1988 г.

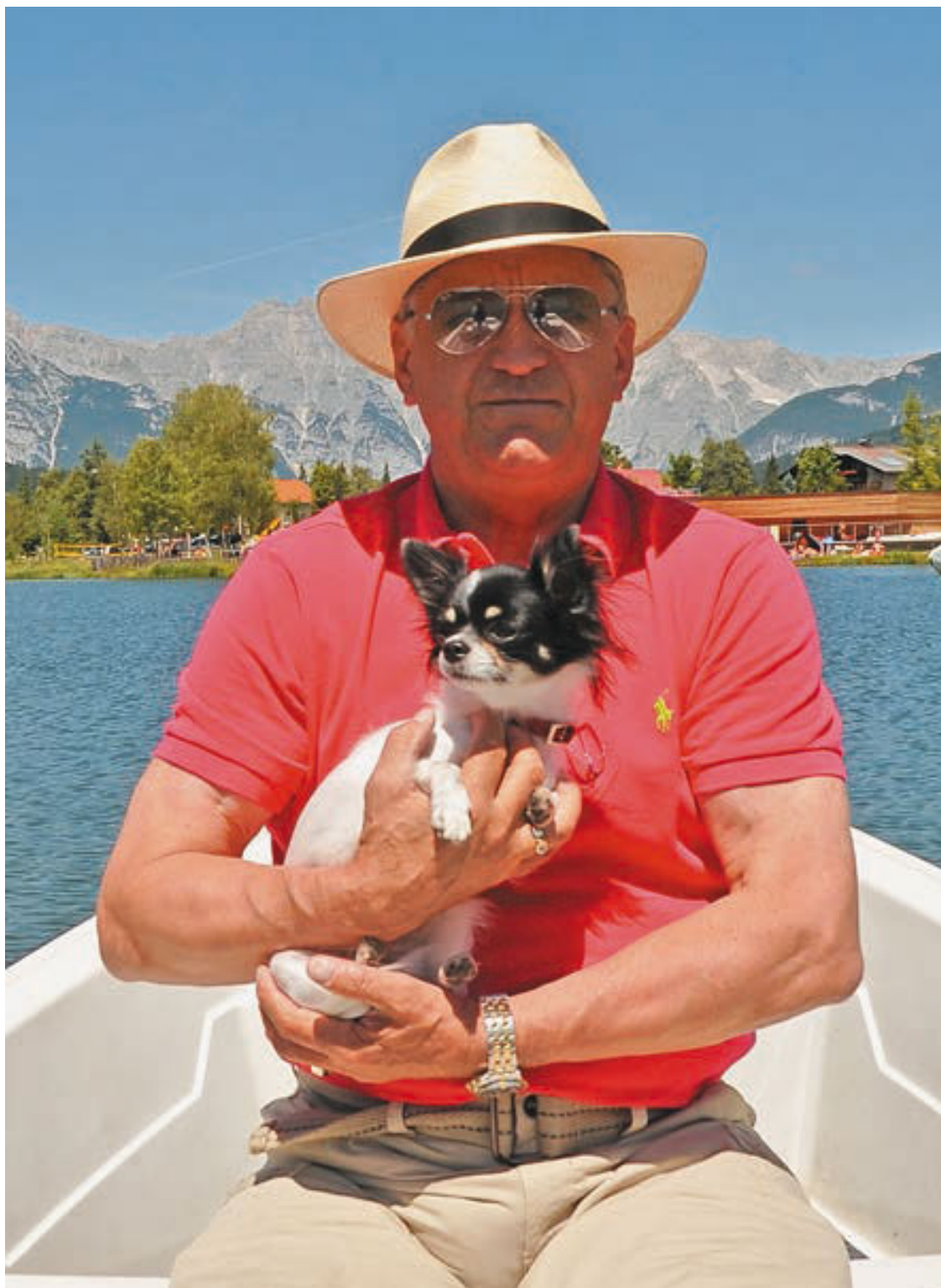

С советским тяжелоатлетом Василием Алексеевым, двукратным олимпийским чемпионом и шестикратным чемпионом мира у него дома, 2010 г.

Подобные случаи бывали. Останавливал медведя буквально в трёх-четырёх метрах, и оставался последний патрон. Это уже только в упор, по-другому нельзя. Вопрос жизни и смерти. Медведь прячется так, что, казалось бы, всё видно, а медведя нет. И медведица сзади меня поднялась, тоже хорошо раненная, большая, килограммов за триста явно, и я сразу с разворота попадаю ей прямо в пасть, она падает. Тут я вспотел так, что думал: опозорился. Но просто невероятно вспотел.

Хемингуэй говорил: многие охотники, мои друзья, погибли потому, что брезговали оружием большого калибра.

Среди животных – особое отношение к собакам. Большой друг – это наша Сонечка.

С мексиканским «голкипером» Сонечкой

Чивава, или чихуахуа, мексиканская боевая собака, вес максимум 3 кг. Настоящая её австрийская кличка очень труднопроизносимая. Мы её когда-то взяли совсем маленьким комочком, она тогда много спала – на руках, иногда я клал её на грудь. Стали её называть Соней. Последние пять лет мы перемещаемся по миру втроём – я с любимой женой Машей и Сонька. На машине, самолёте, на поездах, пароходах. Где бы мы ни оказались, в любой компании она – любимица. Была в Корее, в Скандинавских странах, в Германии, Италии –

езде. У неё есть специальный футбольный мяч, пятнистый, маленький. На сегодняшний день она так натренирована, что шансов забить ей гол никаких нет. Она выхватывает мяч откуда угодно, хоть с воздуха, хоть с земли. Тренировали мы с Машей, становимся в разных концах коридора, бьём – она вылавливает всё подряд. С собакой нам тоже повезло.

В Саяны, на Карбай, пригласили меня Ваня Ярыгин с супругой Наташей. Я со своей супругой Любой летал туда. Там стояла старая избушка, в которой мы ютились. Вот там я горел. Хотел растопить баньку, она отсырела. Думал плеснуть солярки. Товарищ перепутал в темноте, принёс вместо солярки авиационного бензина. Я обгорел страшно. Руки, лицо. Три с половиной дня был без медицинской помощи, связи не было тогда. Меня вывезли, сначала в Абакане хотели ампутировать руки, я отказался. Повезло – самолёт был, прилетели в Красноярск. Здесь надо отдельное спасибо сказать семье Валерия Пироговского. Пироговский меня мумиём за девять дней вылечил. Старая шкура, обожжённая, отмерла, и я по сей день живой. Сегодня продолжателем его дела является его сын Василий, которому я не так давно подарил серьёзное количество мумиё. Он помогает людям. Он кандидат наук, как и его отец, и сестра. Вся семья с медицинским образованием.

«Там стояла старая избушка, в которой мы ютились. Вот там я горел». Александр Ярыгин, Александр Тихонов, Иван Ярыгин

Вспоминаю и благодарю выдающегося врача-травматолога, профессора Сергея Васильевича Архипова. Он вылечил тысячи людей, «отремонтировал» 227 олимпийских чемпионов и чемпионов мира.

Один из любимых друзей – Ваня Ярыгин. Это человек, который за девять минут выиграл все схватки на Олимпийских играх в Мюнхене. Он в течение нескольких секунд разбирался с соперником и уходил с ковра. Мы были с ним как братья. Это широчайшей души человек, настоящий сибиряк, с юмором, необыкновенная сила.

Я вообще с борцами в прекрасных отношениях. С Александром Медведем дружу по сей день. С Мишей Мамашвили. Я часто бываю на турнирах.

В Белоруссии много друзей, три душевных друга – Сергей Бодюля, человек-праздник, Виктор Грошев и Юрий Аверьянов.

Ценю Сергея Павловича Козубенко, который много помогал скульптору Вячеславу Михайловичу Клыкову, создателю многих памятников. Одни из самых известных – памятники Шукшину на горе Пикет и княгини Ольги в Пскове. После смерти Клыкова Сергей Павлович издал альбом с фотографиями скульптур, созданных другом.

Во всех регионах, где я охотился, всегда был настоящий приём. Я очень прост в быту, спал под кедрой, лучше под пихтой, потому что под пихтой спишь как под крышей, никакой ливень тебя не промочит, у неё так лапы расположены. Огромное спасибо людям, принимавшим меня. Думаю, мы ещё поохотимся.

Вячеслав Веденин, Виталий Давыдов, Александр Тихонов на праздновании 90-летия ДСО «Динамо»

Я восхищаюсь Николаем Николаевичем Корпаном. Это гениальный оперирующий хирург, криохирург. Он после сорока пяти лет пересдал всю медицину на немецком и английском языках, приехав с Украины, начал работать в Вене. У него написано столько трудов,

столько людей он вернул к жизни! Он достиг таких высот, что стал директором Института онкологии Австрии. Идея создать фонд «Победить рак в XXI веке» – наша с ним идея. Я на Международном конгрессе онкологов сказал просто: вам рак не победить, пока вы разрозненны. Когда надо было создать оружие массового уничтожения, атомную и водородную бомбы, то страны шпионили, крали учёных, платили сумасшедшие деньги. Всех учёных собрали под одной крышей, и они изобрели эту бомбу. Учёные-врачи из разных стран разрозненны, и если объединить усилия, то наверняка это можно сделать. Создали фонд, мы являемся сопредседателями – Николай Николаевич Корпан и я. И реабилитолог профессор Виктор Александрович Борисов, выдающийся онколог.

Я встречался на разных уровнях, пытался решить вопрос строительства международного онкологического центра в России. Общался с главным онкологом города Москвы. Николай Николаевич прилетал специально сюда, встречались с банкирами, пытались доказать, что это необходимо. 15 миллионов человек в год умирают от рака по всему миру. Это только зарегистрированные случаи. А так наверняка более двадцати. Но пытаюсь сегодня в России сделать благое дело, вы сразу услышите слова «откат». Шансов на успех никаких нет. Мы встретили полное непонимание.

Мы думаем о Доминиканской Республике, о Санто-Доминго, и, возможно, этот центр появится там. Я предлагаю такую схему: на какое-то время слетаются лучшие онкологи, лучшие учёные в центр на месяц, на два, на полтора, обмениваются мнениями, знаниями, оперируют и двигаются дальше.

Я знаю немало людей состоятельных, но подобного Константину Ивановичу Струкову, генеральному директору группы компаний «Южуралзолото», я не видел. Мне повезло в жизни, что я познакомился с таким человеком, и мы стали друзьями. Столько, сколько он делает добра людям, строит и восстанавливает церкви, помогает пожилым людям, не делает никто. Поднять с нуля такую компанию может только человек, преданный своему делу, специалист. Он прошёл такую школу! Он мне рассказывал, как замерзал в Казахстане в степях, как сам работал в шахте, как прошёл от нуля до управляющего компанией. Я немало общался с состоятельными людьми – я рядом их никого не поставлю. Это люди, которых деньги сломали. Пообщаться с ними, попасть на приём – очень сложно. А это – просто земной человек. Образец россиянина.

Сегодня он в Челябинске, завтра в Москве, послезавтра в Чите, затем в Красноярске, в Красноярском крае. Такое впечатление, что он приземляется лишь на время, и снова в самолёт. Я был на открытии обогатительной фабрики в городе Пласт, недалеко от которого находится моя родина – село Уйское.

Был с ним на охоте, на праздниках – Дне шахтёра, Дне горняка. Я вижу, с каким уважением люди относятся к нему. Он участвует и в моей судьбе, и в судьбах многих людей.

Двенадцать лет я проработал в Российском союзе биатлонистов как президент. Хочу сказать сердечное спасибо моим коллегам и товарищам, тренерам, секретарю, бухгалтеру и другим сотрудникам. Всегда с теплом в душе вспоминаю Ольгу Подзолкову, Василия Ерастова, Дмитрия Алексашина, Дмитрия Рочева, Светлану Голубеву, Александра Куракина, Александра Суслова, Леонида Гурьева, Николая Бондарева. К сожалению, мои коллеги и друзья Александр Голев, Евгений Колокольников, Виталий Фатьянов ушли из жизни.

С Константином Струковым возле строящейся Уйской церкви, 2009 г.

Благодарю тех, кто поднимал биатлон в регионах, строил стадионы и трассы, руководил региональными федерациями, тренировал региональные команды. Это Александр Филипенко в Ханты-Мансийске, Николай Меркушин и Анатолий Кузьмичёв в Мордовии, Алексей Волков в Удмуртии, Владимир Якушев в Тюмени, Константин Иванов в Красноярске и многие другие.

Друзья, если кого-то нет на этих страницах, это не значит, что я вас забыл. Я всех помню и люблю.

Октябрь 2013 года

Глава 1

Начало

Вдруг откуда ни возьмись...

– Приходи на тренировку. Постреляем... – предложил молодому лыжнику тренер биатлонистов Александр Васильевич Привалов.

Тихонов дохромал до стрельбища. Тренер кивнул ему: пойдём, дам тебе свою винтовку. И тихо добавил:

– Не подведи...

В том, как парень взял в руки винтовку, чувствовалась привычка и любовь к оружию. Прицелившись, он пятью выстрелами поразил пять мишеней.

Вечером, перебирая в памяти похвалы тренера и спортсменов, внезапно вспомнил, как впервые стоял на Красной площади – первый из всего села, кому довелось побывать в столице. Было ему пятнадцать лет.

Мело. В очереди к Мавзолею стояло много разного народа, но Саня выделялся среди других – в ватной фуфайке и валенках, на голове отцовская шапка, в руках сатиновый чехол с лыжами. В брезентовом рюкзаке – лыжные ботинки, хлеб, несколько бутербродов. Он возвращался с Кольского полуострова, из Мончегорска, с чемпионата СССР по лыжным гонкам среди юношей. Саня попросил кого-то подержать рюкзак и лыжи, и его сфотографировали на фоне Мавзолея.

Дома, в родном уральском селе, он рассказал, что был в Москве. Ему не верили, чуть не осмеяли всем миром. Только две недели спустя, когда пришла по почте фотография, он стал героем.

Ещё полтора года – и он встанет на высшую ступеньку пьедестала почёта, и над стадионом заиграет гимн его страны.

Сердце Южного Урала – хребет Урал-тау. Горы здесь невысоки, крутые увалы сменяются плавными долинами. Хребты, лежащие западнее, и выше, и эффектнее, но именно Уралтау – водораздел. Здесь начинаются четыре крупные реки: Урал, Белая, Ай и Уй. Урал течёт напрямик в Каспийское море, Белая и Ай относятся к бассейну Волги и тоже доносят свои воды до Каспия. Уй, причудливо извиваясь среди горных отрогов, выбегает в просторную степь, где сливается с Тоболом и уже вместе с ним спешит на север, к Ледовитому океану.

Три столетия назад по степи кочевали киргизы, постоянно тревожившие границы молодого Российского государства. Их манили богатства растущих городов и заводов Южного Урала – Миасса, Челябинска, Златоуста. Тогда решено было на реке Уй при впадении в неё быстрой Каморзы поставить крепость и посадить в ней казаков. Крепость назвали Уйской.

Казаки построились вокруг крепости по-хозяйски. Улицы расчерчены по-военному, словно по линейке. Запрудили Уй, и своенравная река на время словно подчинилась дисциплине, потёкла почти по прямой.

Казаки обжились, службу несли исправно, но вместе со старообрядческими заветами сохраняли в душах вольность, непокой. Из поколения в поколение передавался мощный заряд пассионарности – страстности, азарта, стремления вперёд, к неизведанному. Недаром в Государственную думу первого созыва в 1906 году съездом уполномоченных казачьих станиц был избран именно уйский станичный атаман Степан Семёнович Выдрин.

После 1917 года станица Уйская стала официально именоваться селом, чтобы не напоминать большевикам о казачьем прошлом, но жители её сохраняли и заветы предков,

и любовь к родной земле. И когда на Родину надвинулась беда, уйчане-мужчины ушли на фронт. Был среди них и Иван Григорьевич Тихонов. Ему повезло: он был ранен, контужен, домой вернулся в 1946 году – пуля в теле, грудь в орденах. Нина Евлампиевна, всю войну точившая снаряды на заводе в Челябинске, тоже вернулась в родное село – и сразу вышла замуж за двадцатичетырёхлетнего красавца-фронтовика. Сохранилась фотография: маленькая, худенькая девушка стоит у станка, точит огромный снаряд.

Нина Евлампиевна и Иван Григорьевич Тихоновы. Середина 1970-х гг.

Поселились в доме отца Ивана Григорьевича, деда Григория Лукича. В тридцатые годы он был расстрелян, похоронен в братской могиле с другими казаками. Жили большой семьёй: мать Ивана Григорьевича Устинья, братья Пётр и Фёдор и сестра Анна.

Первенец, Александр, родился 2 января 1947 года. На дворе стужа лютая, и на душе у Нины Евлампиевны стужа: доктор поставил мальчику диагноз – врождённый порок сердца. (Много позже выяснили, что у Александра увеличен один из желудочков.) Как лечить? Мать уже не надеялась, что сын выживет. Хоронить собирались. Иван Григорьевич Тихонов не позволял жене и родственникам впасть в уныние.

– Сам сына на ноги поставлю!

Саша долго лежал, словно прикованный к кровати, затем задерживался в развитии. Когда его сверстники уже бегали, он только ползал. Но отец верил в староредедовский способ лечения: свежий воздух, парное молоко, зарядка – даже когда он был совсем маленьким, позже – обливания холодной водой.

На холме, белая, словно невеста, стояла церковь. Раз бабка Устинья потихоньку от родителей отнесла туда мальчика – крестить. Знала Устинья травы, готовила отвары, выхаживала, выпаивала мальчика.

Бабка Устинья, набожная, всегда в свежей юбке и чистом переднике, слыла на селе лучшей стряпухой. Никто вкуснее её не готовил. Саша подолгу мог наблюдать, как она месит тесто, обмахнув помазком, обмакнутым в яичный желток, ставит в печь белые от муки караваи и пироги, а выходят они пышными да румяными.

К пяти годам внук начал выравниваться. Но ещё долго каждый шаг, каждое движение отзывались болью в сердце. К ней невозможно было привыкнуть. Два-три быстрых шага – и Саша начинал задыхаться. Порой от досады душили слёзы. Так хотелось играть с ребятами, не отставать! Может быть, именно это жгучее желание не отставать и сделало мальчика здоровым.

В пять с половиной лет – новое несчастье.

В тот день в доме готовили щёлок, чтобы им мыть голову. Варили кипяток, засыпав туда золы – ключом кипело. Бабушка только-только сняла с очага огромный чан. В это время двоюродный братишка взялся отнимать у Саши мячик – в пылу борьбы Саша не заметил, как очутился возле чана, упал в него задом. Бабушка сразу выдернула внука. Но ожог – не просто водой, а щёлоком – был очень сильный.

Фельдшер посоветовала смазывать ожог барсучьим салом. Соседи принесли сало, мама осторожно, едва касаясь гусиным пёрышком, смазывала спину. Но мальчику становилось хуже. Мать попробовала сало – солёное! Отец на руках отнёс сына в больницу.

Ровно год пролежал Саша в сельской амбулатории, что стояла на горке, чуть в стороне от центра села. Врач назначил уколы пенициллина – по тем временам это было новейшее, эффективнейшее лекарство.

Бабушка Устинья

Мать с отцом навещали его не каждый день: работа, домашнее хозяйство отнимали много времени.

Выхаживала Сашу бабушка Устинья. Особенно болезненными были перевязки. Боль, словно молния, высвечивала окружающее, врезалась его в память. Приходя в себя, он видел,

что бабушка сидит возле его кровати на табуретке. Порой она так и засыпала – сидя. Когда приходила медсестра со шприцем (кололи три раза в день), мальчик сползал на пол и, обхватив бабушку ниже колен, терпел, вжавшись худеньким ребячьим телом. Когда медсестра закрывала за собой дверь, бабушка легко поднимала мальчика – весил он всего пятнадцать килограммов, укладывала на кровать.

Ученик 4-го класса Уйской школы Саша Тихонов с другом Валерой Фоминым

Саша медленно шёл на поправку. Его ровесники катались на санках, гоняли мяч, удили в Уе рыбу, а он всё сидел у больничного окошка.

После рождения Саши в семье один за другим родились ещё три сына – Сергей, Владимир, Виктор.

Когда же Саша вновь оказался дома, ему сразу пришлось на правах старшего сына участвовать во всех крестьянских заботах. Отец учительствовал, вёл в Уйской школе физкультуру и военную подготовку. Мама служила бухгалтером. Но зарплаты были слишком малы, и Тихоновы, как все сельчане, держали корову, овец. Саша особенно любил маленьких ягнят, они казались ему такими же беспомощными, каким он был сам во время болезни, хотелось им помочь.

Мужчины села вместе косили сено. Иван Григорьевич рассказывал про сына:

«Очень любил Саша косить. Пристрастился косить он ещё в третьем классе. Смастерил я маленькую косу, чтобы ему легче было управляться. Становился всегда за мною в ряд. Старался не отставать. Характер уже тогда вырабатывался: никогда не признается, что устал, измотался вконец. Конечно, надолго его не хватало. Бывало, час, другой работаем, потом оглянусь – нету Сани. Вернусь назад. Может, думаю, случилось что-то? Смотрю, спит бедняжка, свалившись прямо в покосе. Накрою его чем-нибудь, чтобы пауты не тревожили, и уж не бужу, пока сам не проснётся. Очень уж слабенький он был в детстве, но в работе был упрямый, злой»¹.

Сено возили, складывали на сеновал, высоко поднимая вилы с пышными тяжёлыми навильниками. Кололи дрова, складывая их в высокие костры-поленницы; вскапывали, сажали, пололи и поливали огород. Тяжёлый крестьянский труд с его постоянной готовностью к сверхнапряжению, труд без всяких поблажек. Иван Григорьевич особенно следил за тем, чтобы жена не делала скидок для старшего. И Саша постепенно окреп, стал выносливым, терпеливым, готовым преодолевать собственную слабость. Так выковывался его характер.

В семь лет отправился Саша в школу. С началом зимы в школу не ходили – бегали на лыжах. Деревенское детство на Урале немыслимо без лыж. Ребяшня каталась с гор, на Уйском пруду расчищали снег – играли в хоккей. Саша тоже увлёкся хоккеем.

Деревенские мальчишки – самолюбивые, каждый желал доказать своё превосходство. На язык острые – не попадайся.

Саню поддевали часто. Однажды он опоздал минут на пятнадцать на первый урок. Учительница в класс пустила, но спросила строго:

– Ты почему опаздываешь?

Из класса послышалось:

– Он ждал, когда ветер стихнет: с дороги сдувает.

Класс грохнул.

Саня молча сел на своё место. Он не признался учительнице, что теперь по утрам делает зарядку, но в этот раз мама не смогла разбудить его вовремя. Однако он решил, что без зарядки в школу не пойдёт. Он должен был доказать себе и всем насмешникам, что он лучший.

Особой доблестью считалось умение бегать на лыжах. Хвастались: мол, я могу скатиться вот с этой горки, а ты не скатишься! Обыкновенные, чуть-чуть загнутые лыжи надевали прямо на крыльце, скатывались – и вперёд по белому, чистому снегу.

¹ Бурла А. Первым буду я... М., 1990. С. 44.

Необычайная радость охватила Сашу, когда отец подарил ему настоящие лыжи. Правда, бегать было трудно, шагать же – чуточку легче. Но всё же каждый шаг – через боль. Гордый Саша не хотел, чтобы кто-то стал свидетелем его мучений. Он уходил за село, подолгу катался там. Лучистые снега, высокие холмы, леса, синие февральские тени. Как здорово было мечтать, представлять себя чемпионом мира по лыжным гонкам!

И боль стала отступать.

Лыжи сотворили чудо. Саша бегал уже не хуже других ребят. Азарт захватывал его на соревнованиях, дарил радость победы. О лыжных ботинках в деревне тогда не имели понятия, катались только на валенках. А у Саши лыжи были с жёсткими креплениями, с ботинками. Иногда приходилось часами сидеть на горке в чьих-то валенках, а ребята по очереди надевали Сашины ботинки – всем хотелось попробовать, как это так – кататься на ботинках.

Село Уйское

У родного дома, 1960 г.

После войны много осталось на селе безотцовщины. Саша испытывал особенную гордость за своего отца. Лучший спортсмен в селе, высокий, стройный, подтянутый, он был чемпионом Челябинской области в лыжных гонках среди сельских учителей, примером для сыновей и своих учеников. Никогда не видел его Саша без дела, и всё умел Иван Григорьевич, любая работа спорилась в его руках. Нина Евлампиевна порой тоже бегала на лыжах, стараясь не отставать от мужа.

Подрастающий мальчик жалел маму. Она крутилась с утра до ночи: корова, хозяйство, дети, пелёнки. Зимой она, как все женщины Уйского, ставила на санки большую корзину с бельём, возила на пруд стирать. По будням на службе, а по выходным с пруда подолгу доносился перестук вальков – женщины стояли у проруби на коленях и били бельё вальками, затем полоскали в ледяной воде. Руки стыли, краснели, кожа на них трескалась...

В каждом дворе держали корову, без неё немыслима была деревенская жизнь.

В первое же своё школьное лето пошёл Саша в пастухи. В деревне Беляевка жила его бабушка по материнской линии, мальчика на лето отправляли к ней. Там была лошадь. Не одна – деревенский табун. До Беляевки около пятнадцати километров. Эту дистанцию Саша часто преодолевал лёгким бегом.

С утра до вечера вместе с другом Юрой Тверитиным – верхом, в седле. Заработал первые в своей жизни деньги. И так – каждый год. Позже с гордостью говорил: «У меня семь лет пастушьяго стажа». Лошадь была и помощником, и другом, Саша отвечал ей любовью и заботой.

Осень врезалась в память охотой на уток.

Отец рано научил старшего сына стрелять из малокалиберной винтовки. Стрельба тогда входила в школьную программу по начальной военной подготовке. Своего тира у школы не было, и Иван Григорьевич оборудовал стрельбище. Весной там поправляли спе-

циальный вал, отмеряли рулеткой пятьдесят метров, укрепляли мишени и до октября тренировались, сдавали нормативы. Отец разрешал сыну пострелять иногда, да и старшие ребята позволяли – всё-таки сын учителя.

Александр Иванович не помнит, был он в первом или во втором классе, – но однажды увидел на пруду дику утку, решил подстрелить. Самовольно утащил отцовскую мелкашку из шифоньера – отжал какой-то железякой дверь, достал винтовку и пачку патронов, завернул в тряпку – и был таков. Прополз по кустам, камышам. Пришлось даже проплыть немножко, держа винтовку над головой. До птицы метров семьдесят-восемьдесят. Затаился на мелководье, в тихой заводи Уя. Утка спокойно плавала по воде. Целился в шею. Первый же выстрел – удачный. Только взяв в руки утку и осмотрев её, почувствовал, что умеет стрелять по-настоящему. Оказалось, целится по вертикальной мишени намного проще, чем стрелять в яблочко.

Учителя Уйской средней школы. 1953–1954 учебный год. Слева Иван Григорьевич Тихонов

В храме Покрова Пресвятой Богородицы в Ханты-Мансийске

С Николаем Корпаном, директором Института онкологии Австрии, в Лозанне возле здания МОК, 2010 г.

«Старый друг лучше новых двух». С Виктором Полищуком и его супругой Натальей

С Леонидом Тягачёвым и его супругой Светланой

Мастер спорта, заслуженный тренер России по греко-римской борьбе, вице-президент благотворительного фонда «Участие» Виктор Аверин, президент благотворительного фонда «Участие» Сергей Михайлов

Виктор Борисов, Николай Корпан -лучшие в онкологии

Борис Баскин, Владимир Павлов, Анатолий Терехов

Перепрыгнув через забор, вернул винтовку и патроны на место.

Хлебая вечером суп с утиной, отец спросил, откуда взялась дичь. Саша честно признался. Ох и попало же ему: не бери ружьё без спроса! Саша в душе изумлялся: неужто отец и вправду бы дал, если бы он попросил?

Так Александр стал охотником. Отец ему доверял оружие. Саня добывал то тетерева, то зайца. Всё для семьи подспорье.

*Первый советский олимпийский чемпион по биатлону, трёхкратный чемпион мира
Владимир Меланьин*

Вскоре в селе разрушили церковь, где бабушка Устинья крестила Сашу. Взрывали, жгли иконы. Разбили на месте церкви сад. Школьники сажали деревья, Саша тоже посадил три дерева.

В начала пятидесятых годов в областных центрах стали проводиться Всесоюзные лыжные гонки на приз газеты «Пионерская правда». В Челябинске, областном уральском городе, в этих соревнованиях участвовало особенно много школьников. В 1958 году Саша Тихонов выиграл этот престижный приз. Выигрыш был особенно дорогим: соревнования шли между учениками 5 – 7-х классов, и отцу пришлось настоять, чтобы Сашу, в тот год учившегося в четвёртом классе, допустили на соревнования. Грамота долго висела у Саши над кроватью.

Стихия соревнований захватила его. Лыжные гонки были необычайно популярны в стране, а вот о биатлоне знали плохо. Правда, однажды Саша увидел в газете фотографию: стройный лыжник с винтовкой. И подпись: «Чемпион мира Владимир Меланьин». С тех пор он словно наяву видел себя на лыжах и с винтовкой за плечами.

Вскоре отец взял ссуду на строительство своего дома. В прежнем стало совсем тесно. У Ивана Григорьевича четверо мальчишек, да у братьев и сестры в сумме восемь детей. Саша помогал отцу рубить дом, в минуты отдыха разглядывая кривую сосну, росшую рядом. Отчего она не выросла прямой, отчего искривилась?

Печь пригласили класть дедушку Горячева, известного во всей округе печника. Работая, он с охотой объяснял пацану, что самое сложное в печи – дымоход. Поделится особым секретом – чтобы печь лучше держала тепло, надо добавить в глину битое стекло.

С одноклассниками в походе. Зима 1962–1963 гг. «Уже тогда за моей спиной была винтовка»

Когда семья переехала в новый дом, показалось – стало полегче.

В 1957 году Н. С. Хрущёв решил догнать и перегнать Америку по производству мяса. Казалось бы, какое отношение имело желание руководителя страны к жителям далёкого уральского села Уйское?

Оказалось – прямое. Руководители сельского хозяйства в разных областях страны, стремясь выслужиться перед высшим начальством, стали заставлять жителей сдавать скот на мясо, чтобы увеличить показатели. Первой стала Рязанская область. Жителей её обложили «мясным оброком», забирали личный скот даже не за деньги, а за долговые расписки. Специальные сотрудники поехали по соседним областям, закупаая там скот. Хрущёв был в восторге от мнимых успехов.

Началась цепная реакция. В 1960 году волна дошла и до Челябинской области. В подсобных хозяйствах разрешили оставить одну корову, одного телёнка, одну овечку.

Когда у Тихоновых уводили на бойню тёлочку, плакали всей семьёй. Малышам было жалко, старшие понимали, что это единственная еда на зиму – и её отнимают. Саша не понимал, почему, для чего забирают их тёлочку? Жили очень бедно, кусок сахара считался фантастическим подарком. Саша стремился помочь семье, мечтал сам зарабатывать деньги.

Авантюрная же идея Хрущёва обернулась в следующие годы резким спадом производства мяса по всей стране. А тут ещё новые деньги, вызвавшие резкую инфляцию и возникновение острого товарного дефицита...

Отец, дядя и бабушка Устинья часто вспоминали деда Григория. Он был заметным казаком на селе.

Саша представлял деда как живого, – такими яркими, сочными были рассказы отца. Чаще всего родственники говорили о том, как в тридцатые годы деду однажды отдали колхозную кобылу, старую, больную. Думали, скоро околет. Дед её выходил, откормил. После раскулачивания на селе осталось много безлошадных крестьян, те же, у которых лошади остались, считались чуть ли не кулаками. А тут Григорий и пашет, и навоз возит на поля на своей лошади, и придраться к нему нельзя.

Возле дома Григория Ивановича по вечерам собирались деревенские старейшины – погутарить, делишки обсудить. Не спеша приходили, садились на широкую лавку. Дед тоже не спешил, поглядывал в окно, ждал, когда все соберутся. Затем выходил на крыльцо, доставал кисет, из лоскута газеты сворачивал козью ножку, набивал её махоркой, затягивался. Артистически обведя собравшихся взглядом и выдержав паузу, спрашивал: «Ну что, х... эта безлошадная... Собрались?»

Дед не принимал колебаний. Отвечал резко: «Дуй до горы! В гору – наймём». Это звучало так же, как, вероятно, звучала в устах Наполеона фраза: «Главное ввязаться в бой, а там посмотрим».

Любил повторять: «Семь раз отмерь, один – отрежь – неправильная поговорка. Десять раз отмерь! И ни хрена не режь, меряй дальше».

Иван Григорьевич хорошо запомнил ещё одно выражение отца: «Не бойся больших расходов, бойся малых доходов. И никогда не воруй от убытков». Только вот применить на практике это выражение отец не мог. Система, сложившаяся в стране, практически не давала возможности получать доходы выше минимальных.

Однако были люди, считавшие себя выше других. Таким оказался один из местных руководителей райсовета, партийный функционер Никитин. Когда его назначили в сельский райком, он приехал с семьёй, не имея лишней пары одежды. Уезжал через три года на пяти машинах, гружёных домашним добром. Саша пришёл проводить своего приятеля Юру Никитина и слышал, как Никитин назвал его отца Ивана Григорьевича и его односельчан нищими дураками. Поучал: мол, в партию надо вступать! Тихонов-старший вспыхнул – и Никитин отлетел от мощного удара старого бойца. Никитин кричал, мол, буду жаловаться. Но не стал...

В седьмом классе Сашу Тихонова выгнали из школы – на неделю, в качестве наказания. Одноклассники набедокурили, а свалить всё решили на Сашу: мол, он сын учителя, ему простят.

Саша не стал оправдываться перед обвинителями – гордость не позволила. Дома сказал – как отрезал: в школу больше не пойду. И тут же отправился к Алексею Ильичу Зотову, отцовскому приятелю. Он был на селе большим человеком – начальником автохозяйства.

– Возьмите к себе. Хочу работать. Токарем.

Было у Саши одно тайное желание – научиться точить чику. В чику – азартную игру на деньги, где требовались ловкость и точный глазомер – тогда играли все мальчишки, а тот, кто мог выточить биту, считался прямо-таки королём.

Зарабатывать самостоятельно, выточить чику, стать выше несправедливого наказания – три разных линии слились в одну, и Саша стал токарем.

«Меня часто спрашивали, какого я роста, потому что на трассе я казался двухметровым»

На полгода определили его учеником к Андрею Андреевичу Брюхову, опытному токарю. Саша, маленький, худой, в перешитых отцовских галифе, в потёртой вельветовой куртке, кепке и хромовых сапогах, в которых отец пришёл с фронта, старался держать себя рядом с учителем независимо. Брюхов, усмехаясь, стал звать его «мастером».

– Ну что, мастер, давай учиться, – начинал он каждое занятие.

Через полтора месяца у Зотова на его Иж-56 полетел цилиндр заднего амортизатора. Андрей Андреевич несколько смен трудился над этим цилиндром, Саша был тут же, на подхвате. Но что-то не ладилось у Брюхова с диаметром. Не выходит – и всё тут.

Ночью через форточку забрался Саша в гараж, достал новую заготовку и начал точить злополучный цилиндр. Выбрал сначала внутренний диаметр, затем внешний. Вспоминая советы учителя, действовал не спеша: после каждой операции выжидал, чтобы металл успел остыть. После доводил шкуркой. За работой незаметно пролетели четыре часа. В очередной раз дав металлу остыть, Саша вогнал цилиндр в амортизатор. Аж дыхание прерывалось от волнения. Затем подцепил проволокой, вытащил – цилиндр выходил с трудом, как и положено. Саша смазал его маслом и отправился домой – на сон ещё оставалась пара часов.

Рабочий Челябинского металлургического завода, 1963 г.

С утра Андрей Андреевич опять трудился над новой заготовкой. Саша побежал напрямик к Зотову: доскать, цилиндр выточил, только мастеру не говорите, пожалуйста.

— Не может быть! — изумился Зотов.

Он тут же послал помощника за амортизатором, кабинет — на ключ, осторожно вогнал цилиндр, вытянул за проволочку. Задумчиво взглянул на притихшего подростка. В результате уже после двух месяцев учёбы Саше присвоили разряд, и он начал получать 65 рублей в месяц. Прозвище Мастер закрепилось за ним уже по праву.

В апреле 1961 года первый человек Земли взлетел в космос. Это событие заставило людей с особой остротой ощутить колоссальный разрыв между техникой, выводящей на орбиту ракеты, и необходимостью стирать бельё в проруби и вспахивать огороды сохой. Радость и гордость за страну – и в то же время недоумение: как это, в космос летаем, а по своим дорогам ездить не умеем, тяжкий бытовой труд облегчить не можем? Это чувство контраста не меньше, чем крестьянская бедность, выдёргивало людей из деревни и гнало в далёкие незнакомые города в надежде на перемены.

Однажды ночью Саша услышал: плакала мама. Тихонечко причитывала: чем кормить малышей? Жалость, острая, горькая... Неужто он, взрослый уже парень, не сумеет прокормить самого себя? Может, получится и семье помочь?

Осенью 1961 года четырнадцатилетний Саша уехал в Челябинск – поступил в училище фабрично-заводского обучения (ФЗО) Челябинского металлургического завода. ФЗО были до войны очень распространены в стране, но к тому времени челябинское оставалось последним. Принимали туда даже с начальной школьной подготовкой, и народ туда попадал довольно пёстрый. К ним прочно пристало прозвище «фазаны».

Вспомнив деревенского печника дедушку Горячева, Александр выбрал специальность «каменщик огнеупорной кладки».

В училище активно работали секции Всесоюзного добровольного спортивного общества (ДСО) «Трудовые резервы». Учащихся привлекали к занятиям разнообразными видами спорта. Александр занимался в основном лыжами, пробовал себя в хоккее, беговых коньках, лёгкой атлетике, таскал штангу. С азартом участвовал в различных соревнованиях. Стал чемпионом Челябинской области по бегу на коньках.

В 1963 году Александр пошёл работать в электросталеплавильный цех Челябинского металлургического каменщиком огнеупорной кладки. В шестнадцать лет, живя в городе и получая зарплату, он почувствовал себя взрослым человеком и решил жениться. На однокласснице Нине. Она давно нравилась ему, и он боялся: вдруг, пока он в городе, уведут? Год с небольшим прожили они вместе и расстались.

Работа в горячем цехе была чрезвычайно тяжёлой. Жил юный каменщик скудно, большую часть денег посылал домой, где оставались родители с тремя братьями. Одной из первых покупок для себя стал фотоаппарат – «Смена-1». Затем купил «Смену-2». Как большинство фотолюбителей в то время, сам проявлял плёнку, сам печатал фотографии. Позже обзавёлся камерой «Canon». Любовь к фотографии пронёс через всю жизнь.

В куртке, подаренной первым «королём лыж» шведом Сикстеном Ернбергом, 1970 г.

Тогда же, в Челябинске, Саша не бросал занятий лыжами, как бы ни было трудно. Катался зимними вечерами в парке, пока не тушили фонари. Жил в общежитии. Приходил из цеха, брал бутылку лимонада, а затем в парк – наматывать круги. Лыжи брал в пункте проката, своих не было. Все восьмьсот обитателей общежития считали Сашу ненормальным.

На чемпионате области он выиграл личную гонку. И неожиданно узнал, что его результат аннулировали: судьи посчитали, что он где-то срезал, сократил дистанцию. Не мог этот щуплый паренёк обогнать лидера училища по лыжам. Но не унывать, а доказать своё превосходство! И на следующий день в эстафете на глазах у всей публики он обогнал парня, которому отдали его первое место. Обогнал и оставил далеко за собой.

После этого случая Саша начала тренироваться всерьёз. За него взялся тренер Олег Николаевич Горохов.

Желание состязаться было огромным. Словно он, не набегавшись в детстве, стремился наверстать упущенное. В 1964 году ему было семнадцать лет, и к официальным «взрослым» соревнованиям его не допускали. Тренерам пришлось схитрить, поставить его подставным. Тогда в чемпионате страны в заявке от ДСО «Урожай» принял участие «тракторист Борис Юзеев из села Кулуево». Александр в роли тракториста на дистанции 30 км лидировал целых 22 км. Молодой спортсмен ещё не умел распределять свои силы на больших дистанциях. Последние километры он уже еле передвигал ногами, темнело в глазах, сводило мышцы, но сойти нельзя. Он словно чувствовал: там, где спортсмен начинает жалеть себя, он кончается как спортсмен. Возможно, и как личность.

Евгений Глинский, Александр Тихонов. Возвращение из Швеции, 1970 г.

Уже через день бежали эстафету. Команда «Урожая» выиграла, Саша показал лучшее время, и его... сразу спрятали. Не дай бог кому-нибудь из судей придёт в голову проверить паспорт! Ведь Борис Юзееву было двадцать восемь лет, и худенький Саша никак не тянул на этот возраст.

На первенстве СССР среди юношей Тихонов занял второе место.

В советское время в СССР действовала налаженная система отбора спортивных кадров. Специалисты выезжали на соревнования разных уровней, присматривались к выступающим.

В 1965 году Александра пригласили учиться в Новосибирский техникум физической культуры. Он, не задумываясь, согласился и перебрался из столицы Южного Урала в столицу Сибири. Поселился, как обычно, в общежитии.

В училище Александр увлекался велосипедом (его некоторое время тренировал Виктор Сафронов), лёгкой и тяжёлой атлетикой, гимнастикой, не забывал о беге на коньках и хоккее. Но лыжи оставались для него главным видом спорта. Тренировал его Валентин Михайлович Романов.

Перед Новым, 1966 годом, вернувшись в комнату, он обнаружил, что его обокрали. Утащили деньги, приготовленный к празднику выходной костюм и другие вещи, и, словно издеваясь, оставили лыжи с палками, спортивный костюм и шапочку. Одним словом, Новый год встречать стало не в чем.

Вспомнив Челябинск и общежитие металлургического завода, Александр переоделся с лыжный костюм, прихватил с собой бутылку лимонада и, надев лыжи прямо у общежития, отправился в парк, что находился в Ленинском районе, у монумента Славы.

Впереди: Геннадий Челюканов, Владимир Мельников, Александр Тихонов, Валентин Пшеницын. Сзади: Владимир Голдобин, Александр Привалов, Валерий Тарakanов

Пробежав круг, другой, Саша почувствовал вдруг такую радость жить, двигаться, дышать морозным воздухом, что совершенно забыл о времени.

В общежитии шла весёлая гулянка. Часам к трём ночи однокашники со своими подружками высыпали в парк. К тому времени Александр намотал уже около сорока кругов.

– Смотрите, олимпийский чемпион тренируется, – нарочито громко произнёс один. Остальные ехидно, зло засмеялись: – Давай, давай, Санёк, а то не попадёшь в сборную страны!

Полыхнуло задетое самолюбие.

– Я вам ещё рукой с трапа помашу, – на бегу ответил Тихонов. Но от человеческой зависти и злобы вдруг навалилась горькая усталость.

Он уже выступал за ДСО «Динамо». Опекать его взялся Евгений Дмитриевич Глинский, всегда весёлый, красавец, сам прошедший огонь, воду и медные трубы. В тридцать два года он считался опытным, авторитетным тренером, его ученики входили в молодёжную сборную СССР. Сам он был чемпионом Сибири и Дальнего Востока в гонке на 30 км.

Александр после кражи решил поселиться прямо на лыжной базе ДСО «Трудовые резервы». От общежития до трассы приходилось добираться два часа на трамвае, а затем 5 км по снегу, проваливаясь по колено. А так трасса под боком. Но что это была за база! Полуразвалившийся щелястый барак. Саша разорвал матрас, законопатил дыры. Хотя бы сквозить перестало.

На студенческую стипендию не зажиреешь. Питался молодой спортсмен плоховато: буханка хлеба, консервированный борщ. Ночами протопленная с вечера комната выстывала, приходилось несколько раз вставать, подкидывать дров, и всё равно было холодно. Спать приходилось в лыжном костюме и шапке. Днём студент успевал съездить в техникум на учёбу, а по ночам частенько разгружал вагоны на станции Новосибирск-Южный. Таскал ящики, мешки. За ночь удавалось заработать 25 рублей. Но с утра-то надо было вновь идти на занятия, а затем на тренировку... Огромная нагрузка ослабляла организм, случалось, что Саша падал с голоду на тренировках.

Вот как описывает знакомство Тихонова и Глинского, случившееся после одного из соревнований, новосибирец Александр Бурла:

«Состязания закончились, а он [Глинский] ещё с часок походил по лесу, подыскивая место для тренировок лыжников. На лыжную базу возвращался уже в сумерках. Автобусы с участниками и тренерами давно ушли в город. “Ничего, – решил Глинский, – доберусь попутным транспортом”. Вышел на дорогу и увидел ещё одного лыжника метрах в двухстах от себя, упрямо штурмующего довольно крутой подъём. Взобрался, скатился вниз и тут же, не отдыхая, снова полез вверх.

Сумерки быстро сгущались, надо было уходить, но Глинский не мог оторвать взгляда от паренька.

Наконец лыжник направился к базе. Евгений Дмитриевич решил подождать его: вместе будет веселее идти. Но парень, вернувшись на базу, не спешил домой. Поставив лыжи у крыльца, он начал выполнять подскоки, приседания.

– Ты что же, не собираешься домой? – спросил Глинский.

– Я живу здесь, – ответил тот, не прекращая упражнений.

– Как живёшь?

– Очень просто, живу и всё.

Разговорились. И выяснилось: парень, чтобы успевать делать две тренировки в день, поселился прямо на лыжной базе, в лесу, где обычно тренировалась группа Валентина Михайловича Романова. <...>

– Нелегко тебе! – посочувствовал Глинский.

– Зато тренироваться отлично! – улыбнулся он, и тренер понял, что для этого парня условия, в которых он живёт, не имеют абсолютно никакого значения.

Стало совсем темно. Глинскому надо было поторапливаться. Они распрощались. Но ненадолго.

Всю ночь перед глазами Евгения Дмитриевича стоял одинокий домик в лесу и шустрый улыбчивый пареньёк.

– Что с тобой, Женя? – не выдержала жена. – Случилось что-нибудь? Ворочаешься всю ночь.

И Глинский рассказал жене про домик в лесу и про нового знакомого.

– Что же ты его не забрал оттуда? Такой мороз на улице!

– Оттого-то и уснуть не могу.

Еле дождался утра. Только стало светать, сел в машину и через полчаса был у лыжной базы.

– Собирай свои манатки, – приказал ничего не понимающему пареньку. – Поживёшь пока у меня, а там что-нибудь придумаем.

– Евгений Дмитриевич! – Тихонов знал известного в Новосибирске тренера. – Что же я вас буду стеснять? Мне и здесь неплохо. Да и перед Романовым неудобно...

Камчатка принимает великих спортсменов

– Поторапливайся давай. В техникум опоздаешь².

Глинский забрал Саню к себе домой. Затем добился, чтобы Тихонова поселили в одном из помещений спорткомплекса «Динамо», выделили талоны на питание. Выбил зарплату – 40 рублей в месяц.

На первый свой сбор Тихонов поехал с опытными спортсменами – Владимиром Кочкиным, Владимиром Мельниковым. Они были поражены, когда новичок дерзко спросил:

– Евгений Дмитриевич, можно я буду называть вас Батя?

Александр сам не мог дать себе отчёт, почему ему так хотелось называть своего тренера Батей. С четырнадцати лет он рос без дома, а Глинский отнёсся к нему действительно по-отечески.

² Бурла А. Первым буду я... М., 1990. С. 60–62.

Ребята возмущались: ишь, какой шкет нашёлся. Без году неделя, а в сыновья набивается. Какое ты, салага, право имеешь? Смотрели на Глинского. А он согласился!

Вскоре на II Спартакиаде народов СССР в Свердловске Тихонов выиграл первую гонку на 10 км среди юниоров. После финиша зашёл в палатку – корреспонденты суетятся, поздравления сыплются, и тут Батя залетает... Это было подлинное счастье. Он сумел, он оправдал доверие тренера. Через пару дней на подъёме выиграл гонку на 15 км. Эстафету бежал уже в составе взрослой команды, их квартет завоевал «серебро».

Тогда была широко известна история биатлониста-перворазрядника Валентина Ефимова из Карелии, который сломал лыжу. По правилам тех лет менять лыжу было нельзя, но Валентин не сошёл с трассы и половину труднейшей дистанции бежал на одной. Зрители, не знающие правил, бежали за ним, предлагая свои лыжи. Он падал на спусках, едва ли не ползком взбирался на кручи, но дошёл до финиша. Не для себя старался – для команды.

В шестидесятые и семидесятые годы Спартакиада носила статус своеобразной «домашней» Олимпиады. Сначала соревнования проходили в районах, областях, республиках, победители республиканского уровня отправлялись на главные старты.

Победы позволили пройти отбор, и Александр был зачислен кандидатом в лыжную сборную СССР.

Областной совет ДСО «Динамо» стал откомандировывать Евгения Дмитриевича на все соревнования, в которых участвовал Тихонов, – личным тренером. Глинский с особенным пристрастием относился к технике бега. Его ученики выполняли несчётное количество имитационных и специальных упражнений для совершенствования техники бега. Евгений Дмитриевич добивался осознанности каждого движения, каждого упражнения. Какие движения способствуют развитию нужных групп мышц, в какой последовательности их надо выполнять. Как надо тренироваться, чтобы грамотно подвести себя к ответственным стартам. Он знал: надо найти ключ, который поможет открыть в ученике резервы скорости. Давал ученикам специальную литературу.

Первый Кубок мира прилетел в Новосибирск, 1977 г.

Александр считал себя неплохим лыжником, владеющим разными способами передвижения. Глинский понимал, что словами своего ученика не убедить. На одну из тренировок он пришёл с кинокамерой, снял его бег и пригласил для обстоятельной беседы.

Саня с вниманием смотрел на себя, идущего по лыжне в замедленном темпе. На экране были отчётливо видны движения, которые мешали оптимальному бегу. Глинский по полочкам разложил его технику, и Саня понял: надо начинать с азов. И слушал Евгения Дмитриевича беспрекословно. Даже после того как Тихонов уже стал олимпийским чемпионом, Глинский продолжал совершенствовать его технику.

Летом 1966 года лыжная сборная страны отправилась на тренировки в Эстонскую ССР, в местечко Отепя. Отепя с его живописными холмами негласно считается зимней столицей Эстонии.

«Это положение можно взять за образец»

На сборах Александр травмировал ногу. Тренировки пришлось на время отложить. Саша отлёживался в комнате, когда к нему зашёл тренер биатлонистов Александр Васильевич Привалов. Сел рядом, расспросил об учёбе, о планах, а уходя, бросил:

– Хватит валяться. Так ведь и в спячку впадёшь. Приходи на стрельбище. Постреляем...

После таких слов лыжник уже не мог сидеть на месте. Дохромал до стрельбища. Биатлонисты работали над изготовкой и спуском.

Александр Васильевич Привалов отследил пристальный взгляд парня. Тело его едва заметно напрягалось и расслаблялось в такт выстрелам. Тренер кивнул Александру: пойдём, дам тебе свою винтовку. И тихо добавил:

– Не подведи...

Рост Привалова – под два метра, и Тихонову его винтовка была явно велика. Но голова парня пошла кругом: у него в руках винтовка большого спортсмена, настоящего чемпиона! Пока заряжал, даже руки задрожали. Когда стал прицеливаться, успокоился.

Вспомнив в один миг Уйминское стрельбище, отца и утиную охоту, Александр пятью выстрелами поразил пять мишеней.

В этот момент девятнадцатилетний спортсмен ещё не догадывался, что окончилась его карьера лыжного гонщика и началась его блистательная карьера биатлониста.

Глава 2

Карьера биатлониста

Сквозь огонь, воду и медные трубы

Биатлон покорила Тихонова. И Тихонов взялся покорять биатлон.

Этот вид спорта был совершенно молодым и, как всё молодое, перспективным. В 1958 году в австрийском городке Зальфельдене прошёл первый чемпионат мира. В нём участвовали всего 25 спортсменов из семи стран. В программе – мужская индивидуальная гонка на 20 км с четырьмя огневыми рубежами. И всё!

Неофициально провели ещё мужскую эстафету 4×7,5 км, и по популярности у зрителей, и по накалу страстей она не уступила основной гонке и даже превзошла её. Однако лишь немногие страны-участницы тогда могли выставить нужное количество высококлассных лыжников, которые были бы способны быстро бежать, а потом мощным усилием всего организма успокоить дыхание до такой степени, чтобы метко стрелять. В 1960 году биатлон был включён в программу зимней Олимпиады, и во многих странах началась подготовка спортсменов.

В 1966 году на чемпионате мира эстафетная гонка 4 × 7,5 км была впервые включена в официальную часть соревнований. На пьедестале в этом виде оказались Норвегия, Польша и Швеция.

Норвежцы считали своё «золото» закономерным: ведь именно эта северная страна в XIX веке стала местом рождения биатлона. Правда, тогда это был не вид спорта, а упражнение для солдат. А первую гонку организовали пограничники на шведско-норвежской границе.

Но не меньшее право претендовать на лидерство имели СССР и Швеция. В 1958 году на первом чемпионате мира в австрийском городке Зеефельде эстафетная команда СССР выиграла у шведов 35 минут! Но соперники взамен слабого бега отыграли 40 минут в стрельбе и вышли на первое место. Стало ясно, что необходимо добиться гармонии между стрельбой и бегом.

В Красной армии существовала традиция патрульных гонок. Они начали проводиться ещё до Великой Отечественной войны. Бежали 20 км, иногда – 50 км. Стреляли из винтовок или автоматов, иногда метали гранаты. Правила были просты и суровы, рассчитаны на взаимовыручку и смекалку. Зачёт – по результатам всей команды. Порой тот, кто был сильнее, десятки километров нёс на себе винтовку товарища, а то и его самого. Девиз патрульных гонок: «Сам отставай, а товарища выручай».

Итак, мужскую эстафету включили в программу Олимпиады 1968 года. У Тихонова появился шанс.

8-й чемпионат мира по биатлону ГДР, Альтенберг, 1967

И он его использовал.

В эстафетную команду сразу потребовались быстрые гонщики. Застрельщики, которые уже на старте могли бы убежать вперёд, если надо, за счёт скорости отыграть возможные промахи в стрельбе и создать задел для товарищей. В биатлоне в те годы подобрались сильные, опытные спортсмены, среди них олимпийский чемпион Владимир Меланьин, Николай Пузанов, Виктор Маматов, Владимир Гундарцев.

Александр Васильевич Привалов, главный тренер сборной, присматривался к молодому лыжнику. Александр, жадный до побед, на каждый старт выходил со страстным желанием – победить. Штрафной круг тогда был не сто пятьдесят метров, а все двести, и даже когда Тихонов промахивался, догнать его всё равно никто не мог.

Первая победа в гонке на 20 км, 1967 г.

На огневом рубеже Александр был не менее упорен, чем в беговых тренировках. Биатлонисты стреляли со ста пятидесяти метров боевыми патронами.

После отборочных стартов за Тихоновым закрепилось место эстафетного гонщика, его стали набирать на первый этап.

Для двадцатилетнего парня, выросшего в уральской деревне, ещё пару лет назад работавшего каменщиком в горячем цеху Челябинского завода, крупным событием в жизни стала первая поездка за границу. Большой спорт не только перенастраивал организмы спортсменов, заставляя их работать в экстремальных условиях, но неожиданным образом размыкал сложившиеся с детства представления, заставлял по-новому смотреть на окружающее.

Всего полгода назад взял Александр в руки винтовку, как его послали на соревнования в социалистическую Румынию, в Поiana Брашова. По каким-то причинам ветераны ехать туда отказались, и команда собралась совсем молодая, фактически из вчерашних мальчишек. Но не старты оставили самое сильное впечатление в душе Тихонова, не черепичные крыши и готические кварталы Брашова, не туманные, покрытые лесом горы Трансильвании, а... столовая. Зайдя туда в первый раз, парни ошалели от неожиданности: за окном снег, а на столах помидоры, огурцы, зелень, виноград, яблоки, груши и даже арбузы!

Первый международный старт. Гонка 20 км. Румыния, 1967 г.

Вероятно, новому поколению не понять, что же так поразило Тихонова. Ну, огурцы, помидоры... Подумаешь! Надо знать, что приблизительно до девяностых годов свежие овощи зимой на столах были невероятной редкостью. В магазины их практически не завозили. Александр хорошо помнил, как в Новосибирске знакомые официантки звонили ему домой, мол, Саша, приходи, сегодня есть салат с огурцами. И пропускали в ресторан по большому благу.

У *них* зимой огурцы и помидоры есть... Что же *нам* мешает сделать так же?

Альтенберг, Германская Демократическая Республика. Первый для Тихонова чемпионат мира. И сразу – острейшая конкуренция среди товарищей по сборной. Так повелось, что в год Олимпиады чемпионат не проводится, и предолимпийские старты считаются решающими для отбора на Олимпиаду. Но это же значит, что можно сразу оказаться в дамках?!

В индивидуальной гонке Тихонов занял 9-е место с девятнадцатью промахами! Выиграл её двадцатидевятилетний Виктор Маматов, как и Тихонов, новосибирец.

В эстафете обогнать норвежцев не удалось. Однако Тихонов, бежавший первый этап, передал эстафету первым. В итоге наша команда – Александр Тихонов, Виктор Маматов, Ринат Сафин, Николай Пузанов – поднялась на вторую ступеньку пьедестала.

Серебряная медаль, казалось бы, давала Тихонову право на участие в Олимпиаде. Но было ещё множество стартов, а тренеры, строго соблюдая спортивные принципы, до последнего момента не принимали окончательного решения. И лишь последние сборы в Ворохте, на Украине, поставили точку в списке олимпийской сборной. Александр тогда стал вторым в индивидуальной гонке, и его решили на Олимпиаде ставить на эту дистанцию.

Тихонов запомнил, как зло бежал на заключительной отборочной дистанции олимпийский чемпион 1964 года Владимир Меланьин, трёхкратный чемпион мира. Да, тот самый Меланьин, фотографию которого Саша увидел однажды в газете... Ему было уже тридцать пять, и он считался самым загадочным биатлонистом страны. Накануне крупных международных гонок он часто занимал «...надцатые» места, но в ответственные моменты собирался и выступал с блеском. Теперь в движениях чемпиона чувствовалось отчаяние, по спине комбинезона разливалось тёмное пятно пота.

После гонки Владимир заперся в своей комнате, не отзывался на стук. Впустил лишь Василича. Для Привалова, старого друга-соперника Меланьина, самым трудным оказалось сказать товарищу «нет». Долго толковали о чём-то два ветерана. Может быть, вспоминали серые трассы Инсбрука. Тогда, в 1964 году, за несколько дней до гонки наступила оттепель, и альпийские стрелки целыми днями носили корзины со снегом, подсыпая его на оголившиеся участки трассы. Тогда прекрасно подготовленный Владимир Пшеницын на одном из спусков упал и растерял все запасные патроны, на последний рубеж пришёл с пустой винтовкой и в результате лишился медали. Сам Привалов бежал больным, его буквально шатало от усталости. К победе рвались и финны, и норвежцы, но выиграл тогда Меланьин. Жаль: он уже не подтвердит свой титул олимпийского чемпиона...

А Тихонов и Гундарцев в этот день не ходили – летали по коридорам гостиницы: они уже знали, что стали олимпийцами.

В Новосибирске серебряному призёру чемпионата мира дали однокомнатную квартиру. Вскоре туда перебралась его семья. В тесноте, да не в обиде. Мать с отцом спали на диване, три брата – на полу. Сам Саша дома бывал редко, кочевал со сбора на сбор.

Первые крупные победы дали возможность осуществить давнюю мечту.

Весной 1967 года Александр купил самозарядный браунинг 16-го калибра. Пятизарядный дробовик. Стоил он больших денег – 500 рублей. Сумма внушительная, больше, чем четырёхмесячная зарплата рядового инженера. Тихонов испытывал давно знакомое волнение – так хотелось на птицу поохотиться!

Ещё бы воронение на ствол нанести... Знающие люди сказали, что есть под Новосибирском один старичок – Игорь Михайлович Усов. Мастер от Бога. В своей деревенской избе «воронье крыло» делает – загляденье.

Саша приехал к нему летом. Хочу, дескать, ствол поворонить и «сеточку» – нарезку на прикладе – обновить. Да вот времени в обрез. Так нельзя ли побыстрее?

Усов только головой покачал:

– «Побыстрее», парень, это не ко мне. Ты приедь ко мне с уважением, посидим спокойненько, я тебе картошечки нашей деревенской отварю, мяска пожарю, сальца нарежу, помидорчиков, поговорим, а там и до дела дойдет.

Александр в одну секунду словно оказался в другом мире. Всколыхнулась память о родном селе, о неспешной крестьянской жизни, которая помогает не скользить мимо встречного человека, а пристально вглядываться в его душу.

«Команда молодости нашей». Николай Круглов, Юрий Колмаков, Александр Привалов, Александр Ушаков, Александр Тихонов

Посидели. Поговорили. Мастер посмотрел на браунинг и говорит:

– Сделаю я тебе ружье. Так сделаю, что меня уже на этом свете не будет, а работа моя останется. И помнить меня всю жизнь будешь!

Так и случилось.

Усовским «вороньим крылом» восхищались и туляки, да повторить не умели. Жаль только – мастер умер (врачи не распознали аппендицита) и секрет воронения с собой в могилу унёс.

Страсть к охоте сыграла важнейшую роль в жизни Тихонова-биатлониста.

Ключевым моментом для спортсменов часто становится не бег и даже не стрельба, а момент перехода, изготовки к стрельбе. После интенсивной физической работы остановиться, скинуть перчатки (некоторые не снимают), снять с плеча винтовку, изготоиться к стрельбе – лечь или встать в стойку, надеть ремень для упора. В каждый момент можно замешкаться, потерять драгоценные секунды. Затем уже стрельба боевыми, где каждый выстрел бьёт в плечо и ствол задирает. Но это потом. А в момент перехода каждый спортсмен старался по-своему оптимизировать движения, довести их до автоматизма.

Порой встречи, которым мы сначала не придаём особого значения, становятся определяющими в нашей судьбе. Однажды отправился на охоту в Купинский район Новосибирской

области. Там, на солёном озере Чаны, раскинувшись на двести сорок километров по плоской равнине Западной Сибири, Тихонов познакомился с Петровичем.

«...Старик молниеносным, каким-то залихватски-ловким движением перевернул через руку ружье, и оно мгновенно влипло прикладом в его плечо. Тут же последовал выстрел. Взлетевшие было утки плюхнулись на воду.

Всё произошло так быстро, что Тихонов даже не успел снять с плеча свой «зауэр». Да он и не пытался это сделать – настолько поразили молниеносные, доведенные до автоматизма движения старика. «С винтовкой бы так на стрельбище!» Он попытался тут же повторить увиденное движение, но из этого ничего не получилось.

– Отец, покажи ещё раз, как это ты ружье из-за плеча выхватил.

– Чо? – не понял старик.

– Покажи, говорю, как ты берданку свою из-за плеча переворачиваешь!

– Ружьё-то? А чего здесь мудреного? Этому меня ещё старшина Самигуллин в первые дни войны обучил. В бою ведь так: кто вперёд на изготовку возьмёт, тот и жив остался.

– Покажи медленнее, как ты это делаешь.

– Вот так и делаю, смотри. Чего же здесь мудреного? – И старик несколько раз продемонстрировал свой трюк с ружьём. – Неужто не знал, что так можно?

– Нет, не знал.

– Дак чо же вас так плохо учат в армии? – рассерчал старик. – А вдруг завтра придётся идти в бой?

...Вечером они прощались. Тихонову надо было уезжать в город. Стояли на краю села, дожидаясь какой-нибудь оказии до железнодорожной станции. Старик явно загрустил – понравился ему Тихонов, не хотелось расставаться.

– Ты приезжай ещё, – просил он.

– Обязательно приеду, Петрович. С друзьями приеду, можно?

– Чо говоришь-то? – обиделся дед. – Приезжай, когда будет время, и друзей вези. Завсегда буду рад.

– Петрович, дай-ка взгляну на твою берданку.

– На, смотри, чо там увидишь-то? Ружьё как ружьё.

Тихонов взял протянутое стариком ружьё, внимательно осмотрел его и удивился, как с таким можно охотиться: приклад расхлябан, ствол изрыт коррозией, вместо спускового крючка самодельная зацепка.

– Сколько лет этому ружью, Петрович?

– А кто его знает! Мне от отца оно досталось. Надо бы новое завести, да хорошие-то ружья большие деньги стоят сейчас. Не по карману мне...

– Вот что, – вдруг сказал Александр, – у меня два одинаковых ружья, одно дарю тебе.

Не дав старику опомниться, Тихонов снял с плеча «зауэр» и повесил деду на шею.

Сквозь смуглые щеки старика мгновенно проступил румянец. Глаза заблестели влагой. Недоверчивый, испуганный взгляд упёрся в Тихонова.

– Бери, Петрович, бери! Говорю же – два у меня. Что же одно без толку висеть будет? Тебе, я смотрю, оно нужнее.

Старик попытался снять тихоновское ружьё с шеи, но Александр остановил его. И по впалым щекам старика потекли слезы. Он молча вытирал их рукавом давно потерявшего свой изначальный цвет пиджака.

– Да что ты, Петрович! Вот чудак. Брось ты. На вот патронташ, патроны, бери.

Старик не пошевелился, не протянул руки. Тогда Тихонов положил и патроны, и патронташ у ног его. Протянул на прощание руку.

У костра

– Бывай, Петрович. Жди меня, я обязательно приеду. Пойду я. Может, по дороге нагонит кто. – Тихонов повернулся, чтобы поскорее уйти – не ожидал он такой реакции старика на его подарок. Почему-то было стыдно смотреть деду в глаза, словно бы виновен перед ним»³.

Тихонов серьёзно заинтересовался оружием. Лыжной подготовки и умения стрелять – мало, надо, чтобы винтовка лежала в руке, была максимально удобной для спортсмена. Александр знал примеры усовершенствования оружия, которые стали применяться во всём мире. Старший товарищ по сборной Николай Пузанов первым поменял мушку с пеньковой на кольцевую, затем на неё перешли все биатлонисты. Он же первым из сборной перешёл на пистолетное ложе-приклад.

Александр решил внести свои усовершенствования в свою винтовку. В Ижевске он попросил помощи у Николая Морозова, известного оружейного мастера. Морозов подсказал Тихонову, что и как можно сделать, но все операции Александр хотел выполнить сам – в основном с помощью обыкновенной стамески и молотка. Он добился пропуска на оружейный завод и, чтобы не тратить времени на повторное оформление документов, не уходил из цеха, ночуя среди станков. Однажды утром его там застал Михаил Иванович Калашников, возмущившийся нарушением режима.

³ Бурла А. Первым буду я... М., 1990. С. 141–144.

Именная винтовка

Позже Александр узнал, что Калашников ставил его в пример ижевским биатлонистам: мол, Тихонов не жалуется на плохое оружие, а улучшает свой спортивный инвентарь.

Тихонов не смущался, когда надо было, словно в русской сказке, влезть Сивке-Бурке в одно ухо, а вылезти в другое и стать красавцем, добрым молодцем. Многие вопросы, связанные с усовершенствованием винтовки, тогда мог решить только Иван Ефимович Семёновых, главный конструктор производственного объединения «Ижмаш». Из его кабинета было окно в кабинет секретаря, и Иван Ефимович видел, кто намеревается попасть к нему на приём. Постоянные вопросы Тихонова Семёновых некоторое время воспринимал как придирки и сердился, запирали дверь, когда видел в окно секретарской зелёного, но настойчивого биатлониста. Ну не мытьём, так катаньем. И Тихонов, не доходя до окна, однажды встал на четвереньки, прополз мимо опешившего секретаря и постучал в дверь генерального. Позже Иван Ефимович признал, что замечания Тихонова помогли в усовершенствовании оружия.

Вопросы Тихонова привели к появлению семи его авторских свидетельств, связанных с разработкой и совершенствованием спортивного стрелкового оружия в соавторстве с отделом М. Т. Калашникова Ижевского машиностроительного завода.

Свою боевую винтовку Александр любил, никому не позволял к ней прикасаться. А что, если сделать на ней именную надпись? Правил, запрещающих наносить на оружие какие-либо знаки, нет. Владимир Мельников, земляк и товарищ по команде, помог Тихонову: обычным бритвенным лезвием вырезал из бумаги трафарет – латинскими буквами, зачистил лак на деревянном ложе, нанёс краску. С тех пор на винтовке красовалось: «ALEXANDR TИHONOV».

Х зимние Олимпийские игры Франция, Гренобль, 1968

Александр Васильевич Привалов лучше, чем кто-либо в советском биатлоне, знал, что такое Олимпийские игры. Он был пятикратным чемпионом СССР. В 1960 году на Олимпиаде взял «бронзу», спустя четыре года стал серебряным призёром. В биатлоне тогда был всего один вид соревнований – гонка на 20 км.

С 1966 года он начал тренировать сборную страны, и Олимпиада в Гренобле становилась проверкой его тренерских способностей. Внутреннее спокойствие и твёрдость – вот что требовалось биатлонисту. Вновь переживая свой опыт, Александр Васильевич думал: вот если бы в шестидесятом, в Скво-Вэлли, не кричали бы ему по ходу гонки, что на него вся надежда, он бы на последней стрельбе не задёргался. Ведь попал бы три из пяти – стал бы чемпионом. После «серебра» в Инсбруке все убеждали его, что третья Олимпиада непременно принесёт ему «золото». Но когда предложили тренерскую работу, решил попробовать. Его задевало, что биатлон был на втором плане по сравнению с лыжными гонками, хотелось изменить отношение к этому сложнейшему виду спорта, азартному, зрелищному, требующему одновременно столь разных навыков – способности взорваться в рывке и максимально сосредоточиться для стрельбы.

Привалову 35 лет. Ему надо было доказать своё право тренировать сборную, особенно перед старшими членами команды, с которыми он ещё недавно вместе выступал как гонщик. Руководство поставило перед биатлонистами нелёгкую задачу: завоевать как минимум одну золотую медаль, при том, что в биатлоне было всего два вида состязаний. Всего же в Х зимней Олимпиаде представлялось 6 видов спорта, разыгрывалось 35 комплектов наград. Одним словом, на кону стояло многое.

В Гренобль советские спортсмены летели через Париж, там пересаживались в поезд. Прибыли в Отран – небольшое курортное местечко в тридцати километрах от Гренобля. Там выяснилось непредвиденное: при перегрузке багажа исчезли патроны. Паника в руководстве поднялась – не передать. Леонид Михайлович Свиридов, возглавлявший делегацию биатлонистов, сбился с ног. Наконец стало ясно, что патроны задержали и отправили обратно в Москву. Привалов собрал команду:

– Спокойно, ребята. На тренировках работаем вхолостую.

Целую неделю стреляли вхолостую. Задача заключалась в том, чтобы мушка после спуска курка осталась на прежней отметке.

Позже, анализируя положение, Привалов увидел, что неожиданная пропажа патронов сыграла на руку: крупный калибр с его мощной отдачей отнимает у спортсмена массу нервных и физических сил. Каждый выстрел – стресс. Холостой тренаж дал возможность сохранить силы. Но эти мысли пришли позже. А тогда, в Гренобле, биатлонисты должны были не только физически адаптироваться к иному климату и времени, но и выдержать психологический удар.

Гренобль произвёл на советских спортсменов неизгладимое впечатление.

Все объекты находились максимально удобно и близко к Олимпийской деревне, службы обеспечения работали безукоризненно, размещение и питание идеальное. Русских французы принимали особенно тепло.

Однако тёплым был не только приём, но и погода. Александр Тихонов, не зная коварства Французских Альп, надел кроссовки, сильно промочил ноги и простудился – за несколько дней до старта. Температура под сорок.

– На всю жизнь будет тебе наука, – не раз повторял тренер лыжников Анатолий Васильевич Акентьев, пытаясь вылечить гонщика «русским методом»: малина, водка и крепкий чай.

Александр теоретически знал, что в большом спорте не бывает мелочей. Теперь постигал это на практике. К примеру, помня о падении Валентина Пшеницына, он стал резинками крепить по три запасных патрона прямо на ложе винтовки. Берёг свою винтовку, не позволяя прикасаться к ней никому. Иногда для неточной стрельбы бывает достаточно царапины на дуле. Оказывается, организму надо не меньше внимания и заботы. Частые перелёты, необходимость акклиматизации и реакклиматизации, смена часовых поясов – всё влияет на самочувствие.

Тихонов с трудом пришёл в себя. Он, только что избранный капитаном команды, должен выступить! Тренеры решились поставить его на индивидуальную гонку. Бежал и Владимир Гундарцев. У него последний год сильно болели ноги, и товарищи понимали, что Олимпиада будет для него единственной. Знали, что готовился он, каждый день преодолевая себя, и переживали за него особенно. Одним из фаворитов считался Виктор Маматов, бывший знаменосцем советской команды на открытии Игр. Фаворитам разрешалось выбрать себе стартовый номер. Обычно сильнейшие стартуют среди последних, и Маматов выбрал четвёртую группу. Тихонову же предстояло стартовать под номером один, то есть молодой, ещё мало известный спортсмен оказался для всех «зайцем». Это требовало серьёзной психологической устойчивости и опыта. Накануне Александр нервничал, не спал всю ночь. Сказались так называемые предстартовые накачки. Тренеров, которые считали необходимым перед стартами «динамить» спортсменов, ребята называли «незримыми динамовцами». Грустная это была шутка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.